№ 1539

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ,

ВЫДАВАЕМЫЯ

ОТЪ

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. В. ГРИГОРЬЕВА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА Р. Г. О.

1849.

С. П. Б.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

Библиотека ИНФ СПб

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЭКСПЕДИЦІИ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

— РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ПО СИБИРИ Г. КАСТРЕНА. — Путешествіе г. Кастрена принадлежитъ къ числу примѣчательнѣйшихъ, совершенныхъ въ нашемъ отечествѣ съ цѣлію изученія инородцевъ, и увѣнчанныхъ самыми блестящими успѣхами. Въ Г. И. на 1848 годъ (стр. 129—152) сообщены были, какъ обрасчикъ трудовъ ученаго путешественника, нѣкоторыя изъ его писемъ и донесеній; въ нынѣшнемъ году извѣщено о возвращеніи его на родину (стр. 47); теперь сообщаемъ общій очеркъ путешествія и результаты, къ которымъ оно привело, заимствуя эти извѣстія изъ послѣдняго отчета, представленнаго г. Кастреномъ Императорской Академіи Наукъ и читаннаго въ засѣданіи ея 2 февраля настоящаго года.

Главною цѣлію экспедиціи г. Кастрена было первоначально изученіе живущихъ въ Сибири Самоѣдовъ, въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніи. Г. Кастренъ началъ изученіемъ Самоѣдовъ живущихъ въ Европейской-Россіи, и осенью 1842 года прибылъ изъ Архангельска въ Мезень. Отсюда направилъ онъ свое путешествіе черезъ тундры, на сѣверъ, къ Самоѣдамъ Канинскаго-Полуострова; достигнувъ Канина-Носа, поворотилъ на востокъ къ Тиманскимъ Самоѣдамъ, и продолжалъ путь по берегу Ледовитаго-Моря до устья рѣки Печоры. Отсюда намѣревался онъ пробраться черезъ Большеземельную-Тундру въ Колву; но какъ тогда была уже весна, санный путь испортился, и Самоѣды откочевывали изъ тундры, то г. Кастренъ обратился на югъ и поднялся вверхъ по Печорѣ до Устьцылемска и Ижемска, гдѣ провелъ всю весну, занимаясь Зырянскимъ языкомъ. Лишь-только вскрылись рѣки, путешественникъ нанялъ рыбачью лодку, отправлявшуюся

и въ-слѣдствіе того, при пособіи со-стороны Императорской Академіи Наукъ, совершилъ съ этою цѣлію, въ августѣ прошлаго года, поѣздку по протестантскимъ пасторатамъ отъ Петербурга до Нарвы. Отчетъ объ этой поѣздкѣ напечатанъ въ выданныхъ нынѣшнимъ августомъ 141—142 номерахъ академическаго бюллетеня по классу историческихъ наукъ. Главная цѣль поѣздки — точное опредѣленіе жилищь *Воти* — достигнута вполнѣ. *Вотъ* эта, сама себя называющая *Ватіалайзетъ*, составляетъ остатокъ жителей, населявшихъ въ древнія времена восточную часть Новгородской Области, такъ-называвшуюся «Вотскую-Пятину». Число этого народа, принадлежащаго искони къ Православной Церкви, простирается въ настоящее время до 5,000 человѣкъ обоего пола. Самое южное селеніе, занимаемое имъ нынѣ, есть село *Керстово*, которое лежитъ въ 4 верстахъ отъ села *Ополья*, находящагося въ 103 верстахъ отъ С.-Петербурга по Рижской Дорогѣ. Этимъ жилищемъ Вoти объясняется встрѣчаемое въ лѣтописяхъ выраженіе: «*Погостъ Ополецкой въ Чуду*». Русскіе, живущіе въ сосѣдствѣ съ Вотью, называютъ ее обыкновенно *Чудья* (Tchud'ja). *Гостилово*, по-фински *Костлово*, недалеко отъ Копорья, есть первая деревня, начиная отъ востока, населенная Вотью, а самое дальнее поселеніе ихъ на западѣ—деревня *Короколье*, по-фински *Іоснпере*, близь впаденія рѣки Луги въ Финскій-Заливъ. Вотъ русѣетъ годъ-отъ-году, такъ-что теперь трудно услышать чисто-вотскую пѣсню: женщины охотнѣе поютъ на русскій ладъ. Даже народная одежда ихъ встрѣчается рѣдко. Говорятъ они теперь на трехъ языкахъ: на своемъ природномъ, на русскомъ и на языкѣ Маймистовъ, или Финновъ лютеранскаго исповѣданія.

— Путешествіе г. Базинера черезъ Киргизскую-степь въ Хиву *. (Сообщено Д. Ч. *П. С. Савельевымъ*.) — Хивинское Ханство, несмотря на близость его къ Россіи, принадлежитъ къ числу недоступнѣйшихъ для европейца полосъ земнаго шара. Главною причиною этой недоступности — безводныя степи и пески, окружающія его со всѣхъ сторонъ, разбойничій бытъ его кочевыхъ сосѣдей и подозрительность самихъ Хивинцевъ, считающихъ за врага и шпіона каждаго пробравшагося къ нимъ европейца. Только отправляемые Русскимъ Правительствомъ посланцы (и съ недавняго вре-

* Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa. Von Theodor Jul. *Basiner*, Dr. Phil. Сочиненіе это напечатано въ пятнадцатой книжкѣ издаваемаго гг. *Беромъ* и *Гельмерсеномъ* «Сборника свѣдѣній о Россіи и прилежащихъ къ ней странахъ Азіи» (Beiträge u. s. w.), и увѣнчано Демидовскою Премію. Самое путешествіе совершено на счетъ Императорскаго Ботаническаго Сада и при содѣйствіи Академіи Наукъ.

мени—англійскіе) пользуются нѣкоторою безопасностію въ Хивѣ. Поэтому, всякое новое описаніе этого ханства, сдѣланное европейцемъ, составляетъ пріобрѣтеніе для Науки, тѣмъ-болѣе если путешественникъ находился въ обстоятельствахъ благопріятныхъ для собиранія свѣдѣній, какъ г. Базинеръ. Онъ присоединился, въ качествѣ естествоиспытателя, къ свитѣ г. Полковника Данилевскаго, отправленнаго Правительствомъ въ 1842 году для окончанія переговоровъ съ Хивой *. И хотя путь его совершенъ былъ въ исходѣ лѣта, осенью и среди зимы — временахъ года неблагопріятныхъ для натуралиста, когда бо́льшая-часть мѣстныхъ растѣній отцвѣла или совсѣмъ исчезла; тѣмъ-не-менѣе онъ извлекъ все, что́ только могъ изъ своихъ наблюденій, и, ознакомивъ съ осеннею флорою посѣщенныхъ имъ странъ, пополнилъ пробѣлъ въ географіи растѣній. Флора при-каспійская была уже изслѣдована Карелинымъ и Эйхвальдомъ; наблюденія г. Базинера показали аналогію растительности странъ приуральскихъ съ каспійскою флорою съ одной стороны и джунгарскою—съ другой. Одинъ и тотъ же характеръ растѣній видимъ отъ береговъ Каспія, по всей низменности Средней-Азіи, до подошвы Урала. Кромѣ важныхъ свѣдѣній о географіи растѣній, г. Базинеръ сообщаетъ наблюденія и замѣчанія свои объ искусственныхъ произрастеніяхъ Хивы, о тамошней системѣ орошенія полей, о климатѣ ея, и о геогнозіи Арало-Каспійскаго Бассейна, въ-особенности-же Усть-Урта, столь важнаго въ геологическомъ отношеніи. Всѣ эти вопросы получаютъ новый или болѣе ясный видъ отъ данныхъ собранныхъ нашимъ путешественникомъ, и поясненныхъ академикомъ Гельмерсеномъ и профессоромъ Кемцомъ. Неотъемлемая собственность самаго г. Базинера — часть ботаническая. Ни астрономическихъ, ни магнитныхъ наблюденій произведено имъ не было. Впрочемъ, г. Базинеръ не упустилъ изъ виду и географическихъ, статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній; на нихъ-то мы и хотимъ обратить здѣсь вниманіе, равно-какъ и на общее направленіе и характеръ путешествія.

Но сперва скажемъ о предшественникахъ г. Базинера, на которыхъ онъ самъ указываетъ въ предисловіи къ своей книгѣ. «Изъ нихъ — говоритъ онъ — заслуживаютъ преимущественно быть названными: Дженкинсонъ, Муравьевъ, Абботъ и Шекспиръ»; а въ выноскѣ прибавляетъ: «кромѣ-того, посѣтили Хиву: Томпсонъ, Муравинъ, Бланкеннагель, Аитовъ и Никифоровъ, о путешествіяхъ которыхъ извѣстно весьма немногое или ничего». Это не совсѣмъ справедливо. Путешествіе Муравина и Назимова, совершенное въ 1741 году, за сто лѣтъ до г. Базинера, описано ими довольно обстоятельно, вполнѣ удовлетворяло требованіямъ того

* Описаніе этого путешествія, составленное самимъ г. Данилевскимъ (Д. Ч. О.), помѣщено будетъ въ V-й части «Записокъ» Р. Г. О.

времени, и было важнѣйшимъ матеріаломъ для географіи Хивы и Аральскаго-Бассейна, до появленія путешествія Муравьева. Изданный (хотя и неполный) журналъ Бланкеннагеля (1793) также заключаетъ въ себѣ много полезныхъ извѣстій и не можетъ итти подъ рядъ съ пустою статьею англійскаго туриста Шекспира. Напрасно приписываетъ г. Базинеръ статью о Хивѣ, помѣщенную въ «Журналѣ Мануфактуръ и Торговли» (1843) ученому, которому она не принадлежитъ: статья эта, которую имѣли мы у себя еще въ рукописи, составлена полковникомъ Ивани-нымъ, авторомъ «Поѣздки на Мангышлакскій-Полуостровъ», описаніе которой напечатано во II-ой книжкѣ «Записокъ» Р. Г. О. (стр. 268). Каждому свое! Г. Базинеръ, къ-сожалѣнію, какъ видно, мало знакомый съ Русскою Литературою, не зналъ также и многочисленныхъ статей В. И. Даля, составленныхъ изъ разсказовъ русскихъ плѣнныхъ въ Хивѣ. Для этнографіи края онѣ представляютъ драгоцѣнныя данныя, какихъ напрасно будемъ искать у ученыхъ путешественниковъ, и заслуживали-бы быть изданными особою книгою.

Запасшись въ Петербургѣ термометромъ, психрометромъ и барометромъ, г. Базинеръ отправился въ Оренбургъ, откуда въ дальнѣйшій путь выѣхалъ съ нарочнымъ, въ первыхъ числахъ августа (1842 года). За Оренбургомъ начинается уже степь, правда покрытая еще порядочною травою, но безотрадная, не представляющая ни одной точки, гдѣ-бы могъ остановиться взоръ; только дальнозоркіе Киргизы видятъ на недоступномъ для европейскаго глаза отдаленіи какой-нибудь холмикъ или своего собрата. Когда г. Базинеръ однажды спросилъ своего вожака-киргиза, отчего онъ поворотилъ путь въ-сторону, тотъ отвѣчалъ, что ѣхавшій вдали киргизъ указалъ ему держаться вправо: а этотъ киргизъ едва мелькалъ незамѣтною точкою на краю горизонта! Ночлегъ каравана былъ на форпостѣ *Ханскомъ*, лежащемъ на рѣчкѣ Бердянкѣ. (На картѣ г. Ханыкова, приложенной къ Журналу Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, форпостъ этотъ показанъ въ 57 верстахъ отъ Оренбурга; но, по одометрическому измѣренію нашего путешественника, онъ отстоитъ только на 44 версты оттуда). Для пріученія верблюдовъ къ пути; первыя станціи были весьма небольшія; такъ, отъ *Ханскаго* до *Прохладнаго* шли не болѣе пяти часовъ, или $18\frac{1}{2}$ верстъ. Въ-послѣдствіи, ходъ каравана продолжался безъ отдыха часто по 40 и даже 46 верстъ; среднее-же число караваннаго дня пути — $31\frac{1}{3}$ версты. Въ-продолженіе всего путешествія, верблюды (за исключеніемъ первыхъ дней) шли ровно по четыре версты въ часъ, и измѣренія одометра вполнѣ согласовались съ разсчетомъ верблюжьяго хода; рѣдко замѣчалась разность, и то въ какой-нибудь полуверстѣ. Изъ этого видно, что измѣренія пути днями и часами, которое встрѣчаемъ у Восточныхъ писателей, можно принимать съ неменьшею увѣренностію, чѣмъ одометрическія. На третій день, пройдено было 14 верстъ; при-

валъ былъ при *Туюташѣ*, или *Курали*, притокѣ рѣки Илека. Слѣдующій привалъ, послѣ 21 версты пути, сдѣланъ былъ близь озерка *Акчи-Карасу*. Уральскіе казаки не пропустили случая забросить неводъ, и наловили рыбы на весь караванъ. Близь озерка стояло нѣсколько кибитокъ бѣдныхъ Киргизовъ. Невдалекѣ находился клочекъ земли, засѣянный просомъ — единственный обрасчикъ киргизскаго земледѣлія, доголѣ встрѣченный. Путь каравана продолжался по долинѣ *Илека*. При озеркѣ *Карасу* находится семь довольно большихъ киргизскихъ могилъ. Миновавъ ихъ, караванъ переправился черезъ рѣку *Илекъ* и расположился на берегу. Здѣсь впервые обрадованы были путники, встрѣтивъ нѣсколько купъ деревьевъ: тополей и ивъ. Но далѣе отъ берега начиналась опять голая степь, однообразная и утомительная! Ничто не развлекало путешественниковъ до 24 августа, когда они остановились у подошвы *Усть-Урта*—плоской возвышенности между Каспіемъ и Араломъ, поднимающейся до 600 футовъ высоты. Съ этой возвышенности лучше всего бросить взглядъ на пройденную нашими путешественниками страну.

На протяженіи 600 верстъ отъ Оренбурга до Усть-Урта, встрѣчаются только три возвышенныхъ пункта, и то не болѣе какъ во 100 футовъ высоты. Рядъ холмовъ при *Аты-Джаксы* лежитъ во 128 верстахъ къ сѣверу отъ Усть-Урта и около 20 верстъ къ юго-востоку отъ бывшаго Эмбинскаго Укрѣпленія. Эта гряда тянется отъ востока къ западу и можетъ быть признана за отрогъ Мугоджарскаго-Хребта, хотя отличается отъ него формаціею: Мугоджарскія-Горы состоятъ изъ діорита, кварца и песчаника, а эти холмы изъ мергельнаго известняка. Другой холмъ, верстахъ въ 70 отъ Усть-Урта, есть *Намазъ-Тау*; онъ изъ глины, и стоитъ особнякомъ; на вершинѣ его есть источники. Третья возвышенность—*Карачи-Тау*, находится верстахъ въ 30 къ сѣверу отъ Усть-Урта: это гряда низменныхъ холмовъ, имѣющихъ менѣе ста футовъ высоты.

Кромѣ этихъ возвышенностей, въ степи обращаютъ на себя вниманіе воды. Значительнѣйшія изъ нихъ — рѣки *Илекъ* и *Эмба* (по-киргизки *Джимъ*); но онѣ мелѣютъ отъ жаровъ до такой степени, что при широтѣ отъ 30 до 50 футовъ имѣли не болѣе фута глубины. Притоки ихъ большею-частію весьма незначительны и едва заслуживаютъ названія рѣчекъ; самые большіе изъ нихъ — *Тикъ-Темиръ* и *Аты-Джаксы*, впадающіе въ Эмбу. Кромѣ ихъ и рѣчки *Джаинды*, текущей верстахъ въ 30 къ югу отъ Аты-Джаксы, на всемъ пути до Усть-Урта нѣтъ ни одной рѣки, а только встрѣчаются изрѣдка колодцы.

Что-же представляетъ остальное пространство? Однообразную картину слабыхъ возвышеній и низменностей, издали кажущихся безконечной плоскостью и только вблизи подобныхъ волнамъ легко колеблемаго вѣтромъ моря! Европеецъ теряется здѣсь безъ звѣздъ и компаса; но уроженецъ степей, своимъ телескопнымъ глазомъ и инстинктомъ мѣстно-

сти, умѣетъ отыскать путь среди пустыни. Лишь нѣсколько кибитокъ при Илекѣ и близь Усть-Урта свидѣтельствовали путешественникамъ, что это край, обитаемый людьми. Ни какой живой встрѣчи! Даже звѣри чуждаются этой степи, даже птицы попадаются рѣдко. Только разныя породы грызуновъ (Myodes socialis, M. lagurus, Dipus jaculus) хозяйничаютъ на тощей почвѣ. Всего болѣе придаетъ мертвящій видъ степи отсутствіе зелени. За исключеніемъ плодороднаго клочка земли на Илекѣ, не видите на всемъ протяженіи отъ Оренбурга до Усть-Урта ни дерева, ни кустарника, и только мѣстами встрѣчаете тощую растительность. Г. Базинеръ раздѣляетъ, въ этомъ отношеніи, пройденную имъ степь на три различныя полосы: сѣверную или травяную—отъ Орснбурга до Илека; переходную—между Илекомъ и Аты-Джаксы, и южную или безплодную — вплоть до Усть-Урта. Въ переходной полосѣ еще встрѣчаются низкіе кустарники и терніе; но послѣднія почти лишены всякой растительности и представляетъ лишь голую почву пепельнаго цвѣта.

На южномъ берегу рѣчки *Чаганъ*, гдѣ расположился караванъ 24 августа, начинается Усть-Уртъ. Эта нагорная площадь заслоняетъ здѣсь горизонтъ съ юга и востока, поворачивая почти подъ прямымъ угломъ отъ юго-запада къ сѣверу. На обращенной къ сѣверу части виднѣются двѣ вершины: сѣверную изъ нихъ называютъ Киргизы—*Ходжа*, а южную —*Джатай*. Отъ Оренбурга до этого мѣста, по одометрическимъ измѣреніямъ, 603 версты. Отсюда караванъ пустился въ дальнѣйшій путь въ южномъ направленіи. Всходъ на Усть-Уртъ довольно крутъ, хотя высота его здѣсь немного менѣе 600 футовъ. Взобравшись на вершину, видите передъ собою совершенно ровное пространство и самую мертвую природу. На другой день встрѣтился холмъ, футовъ отъ 12 до 15 высоты, и обратилъ на себя общее вниманіе. Нѣсколько далѣе — пересохшій ручей, потомъ — небольшое соляное озеро *Кашкаръ-Ата*. У этого озерка начинаются песчаные холмы, тянущіеся отсюда верстъ 35, по направленію къ югу. Караванъ держался середины между холмами и солончакомъ. Въ углубленіи одного изъ холмовъ былъ колодецъ съ водою сѣрнистаго вкуса; ею запаслись на двое сутокъ, потому-что далѣе нѣтъ на пути воды. Эти два дня караванъ шелъ по голой степи глинистаго образованія. Невольное уныніе и даже страхъ наводитъ на путешественника безплодность природы въ безграничной степи: все мертво, однообразно и безъ конца! Усть-Уртская равнина тянулась до береговъ Арала. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него уже слышенъ былъ глухой шумъ, подобный шуму колеблемаго вѣтромъ лѣса; наконецъ путешественники, съ высоты 600 футовъ, завидѣли узкую синюю полосу на горизонтѣ: то было *Аральское*-Море. Приблизившись къ берегу, они вскорѣ увидѣли подъ ногами у себя всю огромную синеву этого Средиземнаго-Моря, не даромъ прозваннаго нами въ-старину «Синимъ». Можно себѣ

представить радость путешественниковъ при этомъ зрѣлищѣ, послѣ столькихъ дней проведенныхъ въ безводной степи. Палатки были разбиты на вышинѣ Усть-Урта, гдѣ начинается спускъ; люди купались въ морѣ; лошадей поили изъ ручья съ прѣсной водою, бѣгущаго по песчаному грунту у подножія, и одно только неудобство тревожило путешественниковъ — множество скорпіоновъ подъ камнями.

Горное образованіе спуска Усть-Урта состоитъ, въ верхнихъ слояхъ, изъ горизонтальныхъ мергельныхъ и известковыхъ пластовъ толщиною отъ четырехъ до пяти футовъ; пласты эти отличаются плотностію и различнымъ цвѣтомъ: бѣлые осадки лежали на красноватыхъ и желтыхъ, или перемежались съ сѣроватыми; немногіе заключали въ себѣ раковины. Остальная часть горнаго спуска состояла изъ мергеля сверху и глины въ нижней половинѣ; за глиною слѣдуетъ наносный песокъ, улегшійся двумя террасами и содержащій въ себѣ два рода доселѣ еще живущихъ въ Аралѣ раковинъ: Cardium rusticum и Glycimeris vitrea. Такое горное образованіе встрѣчается на всемъ восточномъ скатѣ Усть-Урта.

Сентября 1 караванъ потянулся далѣе по окраинѣ нагорной площади; располагая свои дневки на склонахъ Усть-Урта, при источникахъ, которые иногда скорѣе назвать должно лужами, потому-что заключающейся въ нихъ воды не достаетъ для утоленія жажды большаго каравана. Послѣ дневки на самомъ Аралѣ, первымъ источникомъ встрѣчается *Акты-Канды*; въ 46 верстахъ отъ него — *Акъ-Булакъ*; слѣдующій за тѣмъ ключь отстоитъ на 43 версты, близъ развалинъ стариннаго укрѣпленія *Девлетъ-Герай*; верстъ 47 южнѣе встрѣчается новый *Акъ-Булакъ*; 36 верстъ далѣе находится послѣдній ключь, гдѣ путешественники остановились на дневку, при Аралѣ. Сентября 8 караванъ прорѣзалъ выдающійся уголъ Усть-Урта, вершина котораго называется *Урга*, и спустился къ его подошвѣ. Ставка разбита была на низменности, при урочищѣ *Кара-Умбетъ*, между подошвою и моремъ. Здѣсь мѣстами появляются болота. Поверхность озера, отъ мыса Ургà до острововъ *Токмакъ-Ата*, покрыта густымъ тростникомъ. Воды Арала имѣютъ здѣсь прѣсный вкусъ, потому-что морская вода прогоняется тутъ *Лауданомъ*, западнымъ рукавомъ Аму-Дарьи, который съ двумя другими рукавами потопляетъ всю низменность при Усть-Уртѣ, отъ *Айбугира* до Урги. У сѣверной части этого мыса расположены были 28 кибитокъ бѣдныхъ Киргизовъ, откочевавшихъ сюда на лѣто: это была первая живая встрѣча нашего каравана въ-теченіе трехъ недѣль! На вершинѣ мыса Ургà видны слѣды стѣны, окаймлявшей его края, и четырехугольная башня изъ известковаго камня, имѣющая форму усѣченной египетской пирамиды; каждая сторона ея имѣетъ 35 футовъ длиннику въ основаніи и 25 вверху, при высотѣ 28 футовъ. Въ этой башнѣ нѣтъ ни входовъ, ни отверстій; она вся сплошная. Подобныхъ ба-

шенъ до двѣнадцати на Усть-Уртѣ. Киргизы приписываютъ эту башню Бековичу; но невѣроятно, чтобы онъ доходилъ до этого мѣста. Скорѣе слѣдуетъ принять эти башни и стѣны за остатки караван-сараевъ.

При урочищѣ *Кара-Умбетъ*, гдѣ расположился караванъ, встрѣчается уже обработанная земля—поля, засѣянныя дынями и просомъ. Онѣ принадлежатъ Каракалпалкамъ, которыхъ поселенія, въ числѣ отъ одной до четырехъ кибитокъ, разбросаны по всей низменности между Усть-Уртомъ и Лауданомъ. Довольно густые кустарники красивыхъ тамарисковъ и саксаула, а между ними поля и кибитки, простираются отселѣ вплоть до *Коскаджуля*. Вся эта низменность ежегодно наводняется при половодіи Аму-Дарьи. Лишь-только сбудетъ вода, Каракалпаки принимаются за обработку увлаженной почвы, засѣвая ее преимущественно дынями, просомъ и ячменемъ. Жатву сберегаютъ они близь своихъ кибитокъ, заваливая ее соломою и землею. Стада ихъ весьма незначительны, и семейство, имѣющее два или три верблюда и столькоже коровъ и лошадей, считается уже богатымъ. Эта бѣдность происходитъ большею-частію отъ притѣсненій хивинскихъ приставовъ, не щадящихъ слабыхъ Каракалпаковъ.

Близь урочища *Коскаджуль*, въ 32 верстахъ отъ Кара-Умбета, невдалекѣ отъ берега Лаудана, дневалъ караванъ. Далѣе, онъ снова поднялся на Усть-Уртъ, который тутъ замѣтно понижается, и болѣе 70 верстъ шелъ по этой плоской возвышенности, до залива *Акъ-Чеганакъ*, гдѣ остановился на краю плоскости, близь развалинъ, подобныхъ Ургинскимъ и Девлетгиреевскимъ; основаніе ихъ также приписываютъ Бековичу. Разливъ Лаудана доходилъ здѣсь до самой подошвы Усть-Урта; на водѣ не видно тростника: значитъ, Лауданъ здѣсь глубже, чѣмъ въ сѣверной его части. Караванъ продолжалъ путь по краю площади до *Айбугира*. Не доходя до этого урочища, путешественники спустились съ возвышенности, которая впрочемъ имѣетъ тутъ не болѣе ста футовъ высоты, и расположились на южномъ, болотистомъ и поросшемъ тростникомъ, берегу Лаудана. Бездна тарантуловъ встрѣтила гостей въ только-что разбитыхъ ими палаткахъ. Вблизи было нѣсколько засѣянныхъ полей; но вдали, на пути къ Ургенджу, все казалось пусто и необработано; только не въ дальнемъ разстояніи отъ Айбугира тянулся, на протяженіи трехъ верстъ, лѣсъ саксауловъ. Саксаулъ достигаетъ отъ 15 до 20 футовъ въ вышину, а толщиною до 8 дюймовъ въ поперечникѣ; весьма вѣтвистъ и суковатъ, но безлиственъ, и вмѣсто листьевъ имѣетъ по двѣ чешуйчатыя шишки при соединеніяхъ вѣтвей; сѣроватый стволъ его описываетъ различныя кривизны и никогда не бываетъ прямъ; онъ чрезвычайно плотенъ, но хрупокъ; во всей Хивѣ употребляютъ уголья этого дерева: ни для какого другаго употребленія оно и не годится.

Верстъ 35 къ востоку отъ Айбугира лежатъ развалины небольшаго городка, называемаго *Кизылъ-Каля*, то-есть «Красною-Крѣпостью», по цвѣту домовъ его, сложенныхъ изъ красноватой глины. Онъ занесенъ со всѣхъ сторонъ пескомъ, который приносится юго-восточными вѣтрами изъ песчаной пустыни, простирающейся отъ береговъ Каспійскаго-Моря до западныхъ предѣловъ Хивинскаго-Ханства. Пустыня эта расширяется съ каждымъ годомъ все болѣе-и-болѣе.

Нѣсколько верстъ за Кизылъ-Каля, встрѣчены были путешественники отрядомъ ханской гвардіи, посланной къ нимъ для пріема. Описаніе этого отряда даетъ понятіе о войскѣ хивинскомъ. Издали онъ имѣлъ довольно живописный видъ, благодаря разноцвѣтнымъ халатамъ. Всякой одѣтъ по-домашнему, болѣе половины не вооружены, кто съ ножемъ, у кого сабля, у немногихъ ружья безъ замковъ. Стрѣляя фитилемъ, многіе такъ искусно палили, что сами падали съ лошади. Зато что̀ за чудные аргамаки! Узды и сѣдла изукрашены серебромъ и каменьями. Эта почетная стража, числомъ отъ ста до двухъ сотъ человѣкъ, слѣдовала отсюда безотходно за нашими путешественниками. Отдохнувъ при какой-то безыменной лужѣ, караванъ 14 сентября вступилъ въ *Кунія-Ургенджъ*, или «Старый-Ургенджъ». Отъ Айбугира доселѣ около 70 верстъ. Русскимъ гостямъ отведены были здѣсь ханскіе хоромы, окруженные глиняною трехсаженною стѣною и похожіе съ-виду на темницу. Стѣна описываетъ довольно обширный параллелограммъ, съ конусообразными башнями по угламъ; на главной сторонѣ ея — большія ворота; съ лѣвой стороны — малыя ворота, которыми входятъ въ садъ, окружающій хоромы съ трехъ сторонъ. Внутренность раздѣлена на пять дворовъ, которые также отдѣлены одинъ отъ другаго высокими стѣнами; по этимъ стѣнамъ расположены жилья, имѣющія по одной, рѣдко по нѣскольку комнатъ; передъ каждой комнатой находятся сѣни, выходящія на дворъ; надъ дверью бываетъ оконце. Цыновки и ковры, да сундуки окованные желѣзомъ — единственная мебель покоевъ. Довольно обширный садъ, окружающій съ трехъ сторонъ ханскіе хоромы, усаженъ вдоль стѣнъ рядомъ молодыхъ тополей; два небольшіе пруда вырыты передъ строеніемъ. Вода для наполненія этихъ прудовъ, такъ же какъ и для орошенія сада, проведена каналомъ изъ рѣки *Саркаукъ*.

Старый-Ургенджъ былъ нѣкогда цвѣтущимъ городомъ; но, подобно бо́льшей части азіятскихъ городовъ, испыталъ удары судьбы: былъ неоднократно разрушенъ, перестроенъ, снова разоренъ, потомъ оставленъ и перенесенъ на другое мѣсто. Теперь, разумѣется, нѣтъ и слѣда прежняго благосостоянія: настоящій Старый-Ургенджъ, то-есть немногія развалины, въ томъ числѣ высокая башня и нѣсколько гробницъ, лежитъ подлѣ новаго города, который началъ заселяться не далѣе какъ лѣтъ тридцать или сорокъ тому. Жители занимаются преимущественно земледѣлі-

емъ и садоводствомъ, и домы ихъ расположены между пашнями, огородами и садами; только передъ описанными ханскими хоромами тянется довольно прямая линія домовъ или мазанокъ, обращенныхъ на улицу стѣнами. Въ немногихъ лавкахъ продаются халаты, кушаки, шапки, сапоги и посуда: тутъ вся торговля Ургенджа.

Оставивъ на другой день Куня-Ургенджъ, путешественники перешли въ бродъ рѣку Саркраукъ, къ востоку отъ города. *Саркраукъ* вытекаетъ верстъ 20 отсюда къ сѣверо-востоку, изъ Лаудана, рукава Аму-Дарьи. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ бродъ, рѣка занимала не болѣе десятой части видимаго ея русла и имѣла не болѣе 60—70 футовъ въ ширину и 2 фута глубины; остальная часть русла покрыта была иломъ или пескомъ. Хивинцы увѣряютъ, что Саркраукъ изливался прежде въ Каспійское-Море, а теперь пересохъ. Г. Базинеръ, къ-сожалѣнію, не имѣлъ возможности преслѣдовать дальнѣйшаго теченія этой рѣки, изслѣдованіе русла которой могло-бы наконецъ привести къ рѣшенію вопроса: дѣйствительно-ли этотъ рукавъ изливался нѣкогда въ Каспійское-Море.

Кромѣ Саркраука, поѣздъ пересѣкъ на пути нѣсколько каналовъ и канавъ. До *Чербака*, сада ханскаго, лежащаго верстахъ въ 30 на юго-востокъ отъ Куня-Ургенджа, земля мало обработана. Здѣсь ночевали путешественники. Въ 25 верстахъ въ томъже направленіи отъ Чербака, лежитъ, при каналѣ *Шеватъ*, небольшой городокъ *Илалы*, или *Джиланды*, состоящій изъ сотни домовъ съ садами и пашнями; у хана здѣсь есть также домъ съ садомъ. Сентября 17 наши путники прибыли въ *Гашгаузъ*, гдѣ провели цѣлый мѣсяцъ, въ ожиданіи возвращенія хана съ бухарской границы, гдѣ онъ занимался грабежемъ. Этотъ городъ лежитъ также при каналѣ Шеватъ, въ 30 верстахъ отъ Илалы. Бревенчатый мостъ перекинутъ черезъ каналъ; передъ мостомъ находится заложенная въ 1835 году крѣпость, или просто земляной валъ, вышиною въ 25 футовъ, образующій довольно правильный четырехугольникъ; каждая сторона его не болѣе 900 шаговъ вдлину. Трое воротъ ведутъ въ это укрѣпленіе, занятое немногими мазанками для гарнизона; а какъ въ Хивѣ нѣтъ постояннаго войска, то въ мирное время некому и жить тутъ. Между крѣпостью и каналомъ расположены лавки, числомъ до 180: это базаръ. Въ базарные дни, по средамъ и субботамъ, стекается сюда довольно народу, хотя вся торговля ограничивается немногими предметами, нужными для домашняго обихода неприхотливыхъ жителей. Второну отъ укрѣпленія и базара видите лишь пашни, огороды, сады да пустоши, съ немногими мазанками между ними. Каналы и канавки проводятъ воду къ жильямъ; значительнѣйшіе изъ нихъ укрѣплены валомъ, который предохраняетъ городъ отъ наводненія въ случаѣ разлива Аму-Дарьи въ маѣ мѣсяцѣ.

По направленію изъ Ташгауза къ Хивѣ, куда двинулись наши путешественники 17 октября, на всей дорогѣ до города *Шавата* (въ 34 верстахъ къ юго-востоку отъ Ташгауза), встрѣчаются такіеже каналы и канавки, пашни, сады, огороды и пустоши, какіе они видѣли въ самомъ Ташгаузѣ. Страна довольно населена; на пути попадаются еще два мѣстечка: *Анбаръ* и *Джагатай*. Шаватъ—ни чѣмъ не замѣчательный городишко. За нимъ выдается угломъ, верстъ на десять, песчаная туркменская степь; пески кончаются у селенія *Кошъ-Купыръ*, лежащаго при каналѣ Казаватъ и славящагося по всей Хивѣ своими дынями. Отъ Кошъ-Купыра до самаго города Хивы идутъ обработанныя поля, сады и проч. Для пребыванія посольства, отведенъ былъ ханскій загородный домъ *Ингрикъ*, лежащій въ полуверстѣ отъ города.

Проѣздъ «Урусовъ», или «Москововъ», черезъ благословенную Хиву возбудилъ, разумѣется, любопытство жителей. Всѣ вскарабкались на плоскія крыши своихъ мазанокъ, чтобы взглянуть на иностранцевъ. Поѣздъ едва подвигался шагъ-за-шагомъ по узкимъ, грязнымъ и кривымъ улицамъ, гдѣ съ трудомъ можно ѣхать четверымъ въ рядъ.

Хива обнесена валомъ, имѣющимъ до двадцати футовъ высоты, и сухимъ рвомъ, вырытымъ не задолго до пріѣзда нашихъ путешественниковъ, по повелѣнію хана, въ-теченіе не болѣе шести недѣль; на работу согнана была четвертая часть жителей всего ханства. Стѣна описываетъ неправильный овальный кругъ и заключаетъ въ себѣ двѣнадцать городскихъ воротъ, выложенныхъ изъ кирпича. Сверхъ-того, центральная часть города обнесена внутреннею стѣною, или земляным валомъ, имѣющимъ около 25 футовъ высоты и 30 футовъ толщины, 320 сажень длиннику и 200 въ поперечникѣ; въ ней трое кирпичныхъ воротъ. Дома въ Хивѣ изъ тогоже пепельнаго цвѣта глины, какъ и стѣны. Улицы кривыя, узкія, грязныя. Въ городѣ находится 17 мечетей, 22 медресе (школы), каравансарай и базаръ; двѣ мечети (Сеидъ-Бай и Палванъ-Ата) и девять школъ — кирпичныя; всѣ остальныя — глиняныя. Главная, или соборная, мечеть Палванъ-Ата построена ханомъ въ 1811 году и находится во внутреннемъ городѣ. Мечеть Сеидъ-Бая находится близь восточныхъ воротъ внутренней стѣны; она построена въ 1835 году богатымъ купцомъ этого имени. Между этими двумя мечетями, прислоненные къ внутренней стѣнѣ, близь восточныхъ воротъ, находятся гостиный дворъ (базаръ) и каравансарай. Базаръ построенъ изъ кирпича и состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ лавокъ, или небольшихъ нишей, съ высокимъ навѣсомъ: здѣсь продаются товары, нужные для хозяйства Хивинцевъ, въ томъ числѣ русскія сукна и сахаръ; мѣряютъ на нашъ аршинъ. Предметовъ роскоши здѣсь еще не знаютъ. Рядомъ съ базаромъ находится каравансарай, образующій довольно правильный четырехугольникъ и ничѣмъ не примѣчательный. Подлѣ воротъ каравансарая, комната ди-

ванъ-бега, собирающаго пошлину съ новоприбывающихъ: мусульманскіе торговцы платятъ по 2 процента съ вывозныхъ и привозныхъ товаровъ, а русскіе—4, но только съ привозныхъ. Невдалекѣ отъ базара, къ западу, находится теремъ, обнесенный кирпичною стѣною, въ которомъ живетъ второй сынъ хана, а у западныхъ воротъ внутренняго города—другой такойже теремъ, гдѣ пребываетъ Его Высокостепенство самъ ханъ Аллахъ-Кулъ. Передъ воротами этого терема, нѣсколько влѣво, находится яма, куда сажаетъ ханъ провинившихся царедворцевъ и прислужниковъ; а въ правой сторонѣ стоятъ нѣсколько лафетовъ, иные съ пушками, другіе безъ пушекъ. Эти пушки, которыхъ въ Хивѣ всего 21, негодны къ употребленію; нѣкоторыя изъ нихъ, имѣвшія до четырехъ аршинъ вдлину, показались хану слишкомъ длинны и онъ повелѣлъ отпилить лишнихъ три-четверти аршина. Пороху хранится въ теремахъ хана до 500 пудовъ, а ядеръ до 5,000; это свѣдѣніе сообщилъ г. Базинеру Сергѣй, бѣглый солдатъ, нынѣ начальникъ всей артиллеріи хана. Сергѣй - теперь единственный русскій въ Хивѣ; всѣ плѣнные русскіе, какъ извѣстно, освобождены были въ-слѣдствіе экспедиціи генерала Перовскаго и возвратились на родину. На восточной сторонѣ, за стѣною внутренняго города, находится торговая площадь, гдѣ бываетъ базаръ по понедѣльникамъ и пятницамъ: тутъ продаются преимущественно съѣстные припасы, сѣно, уголья и т. п. Среди площади стоитъ висѣлица, эмблема могущества хана; экзекуціи бываютъ очень нерѣдко, на страхъ правовѣрнымъ: въ-теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ пребыванія въ Хивѣ нашихъ путешественниковъ повѣшено было шесть человѣкъ. Къ висѣлицѣ пригвождаютъ также непріятельскія уши и головы, и такъ-какъ отъ щедротъ хана идетъ по 5 тилля, или 18 р. 75 к сер., за каждую непріятельскую голову, то, разумѣется, висѣлица рѣдко не бываетъ изукрашена ими. Другое любимое наказаніе Хивинцевъ — посаженіе на колъ; исполнители наказанія стараются при этомъ быть человѣколюбивыми и дѣлаютъ колъ такой величины, чтобы онъ не доходилъ до сердца и не убилъ наповалъ человѣка: такимъ-образомъ осужденный можетъ прожить еще отъ одного до трехъ дней.—Г. Базинеръ полагаетъ въ Хивѣ не болѣе 5,000 жителей.

Къ описанію города Хивы г. Базинеръ приложилъ и планъ его, снятый топографомъ: это единственный планъ города. Сто лѣтъ тому, именно въ 1740 году, инженеръ Назимовъ, бывшій въ Хивѣ съ Муравинымъ, также снялъ планъ тогдашняго города; но это—совсѣмъ другой городъ. Хива тогдаже была взята, разграблена и уничтожена Надиръ-Шахомъ. Сравненіе двухъ плановъ приводитъ къ заключенію, что нынѣшняя Хива не старѣе ста лѣтъ и перестроена послѣ разоренія ея персидскимъ шахомъ. Городъ временъ Муравина и Назимова былъ по-видимому населеннѣе, хотя нынѣшній городской валъ заключаетъ въ себѣ болѣе про-

странства, со включеніемъ пахатныхъ земель, которыхъ прежде не было въ чертѣ города. Внутренній городъ, или кремль, находящійся въ центрѣ нынѣшней Хивы, за сто лѣтъ находился въ западной ея части. Можетъ быть даже, что теперешняя Хива лежитъ и не на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была старая, разрушенная Шахомъ-Надиромъ. Такъ-какъ путешествіе Муравина и принадлежащія къ нему карты и планы еще не изданы, то мы и прилагаемъ здѣсь уменьшенный чертежъ съ плана Назимова, съ подлинными его поясненіями (*см. въ концѣ выпуска*).

Окрестности нынѣшней Хивы лучше самой столицы. Сады и пашни окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ; съ сѣверной стороны проведенъ каналъ *Палванъ*, съ восточной—соединяющійся съ нимъ каналъ *Игрикъ*, впадающій въ четырехъ верстахъ отъ города въ небольшое озерко, которое лежитъ на самой чертѣ песчаной пустыни, болѣе-и-болѣе засыпающей плодоносныя зѣмли въ западной и южной части Хивинскаго-Ханства. Близъ самаго озера видны остатки недавней мозаики, уже засыпанной пескомъ.

Октября 30, г. Полковникъ Данилевскій со свитою имѣлъ торжественную аудіенцію у высокостепеннаго Аллахъ-Кулъ-Хана. Было пять часовъ по полудни. Посланцы, въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ, поѣхали верхами къ терему хана. За ними слѣдовала запряженная парою вороныхъ великолѣпная коляска, подарокъ хану отъ Государя Императора, которая едва могла проходить по тѣснымъ закоулкамъ; за нею двадцать Хивинцевъ несли другіе подарки, состоявшіе преимущественно изъ хрустальныхъ вещей. У воротъ терема посланцы сошли съ лошадей. Сперва введены они были въ низенькій, небольшой, грязный и закопченный покой съ маленькимъ дворомъ, лежащимъ влѣво отъ воротъ: это палата *мехтера*, или перваго министра хана. Полъ покрытъ былъ бѣлыми войлоками; взаду стояли три окованныхъ желѣзомъ сундука; единственная лампа въ какомъ-то глиняномъ горшкѣ бросала темный свѣтъ на печальное жилище. Хозяинъ, мехтеръ Якубъ-Бай, человѣкъ лѣтъ сорокапяти, радостно встрѣтилъ посланцевъ, но тотчасъ же оставилъ однихъ, чтобы доложить о нихъ хану. Уходя, онъ просилъ присѣсть, на что ему отвѣчали, что не на чѣмъ. Вскорѣ онъ возвратился съ отвѣтомъ, что ханъ готовъ принять, но что нужно снять съ себя шпаги, чтобы предстать передъ его высокостепенство. Г. Данилевскій не согласился на эти требованія, и ханъ разрѣшилъ ему и свитѣ явиться со шпагами. Посланцы, черезъ дворъ мехтеровой комнаты и три узкихъ и темныхъ прохода, проведены были къ калиткѣ того двора, гдѣ ожидалъ ихъ владыка Хивы. Каммергеръ, или привратникъ, хотѣлъ впустить лишь одного посла съ толмачомъ; но, по настоянію г. Данилевскаго, впущена была вся его свита, съ тѣмъ только, чтобы не входила въ ханскую палатку, а остановилась у входа ея, на дворѣ, вымощенномъ кирпичомъ. Палатка хана не иное что, какъ обыкновенная киргизская кибитка изъ войлока: это и аудіенцъ-

зала и государственный кабинетъ. Съ трехъ сторонъ дворъ окруженъ высокою стѣною; съ четвертой—покой или сѣни; тамъ видно было три сѣдла, четыре какихъ-то мѣшка, восемь ружей, деревянный столъ и нѣсколько кусковъ войлока. Бесѣда съ ханомъ началась безъ всякой церемоніи. Ханъ отвѣчалъ на все лаконически: «хорошо,—очень хорошо,—да,—и я также,—очень радъ», показывая тѣмъ свое величіе. Черезъ четверть часа, г. Данилевскій раскланялся и просилъ позволенія представить хану другихъ чиновниковъ посольства. Тогда г. Базинеръ могъ разглядѣть внутренность палатки. На лѣвой сторонѣ виднѣлись два окованные желѣзомъ сундука, на правой—только что внесенные хрустальные подарки. Въ глубинѣ, на небольшомъ коврѣ, сидѣлъ, поджавъ ноги, человѣкъ съ длинною бородою съ просѣдиной, въ бараньей хивинской шапкѣ и темномъ суконномъ халатѣ: то былъ грозный Аллахъ-Кулъ-Ханъ. Нагорѣвшая сальная свѣча въ мѣдномъ шандалѣ едва освѣщала его высокую особу и палатку.—Одаренные пяти-фунтовыми головами сахару, посланцы удалились въ шесть часовъ. Ханъ вскорѣ захворалъ.

Между-тѣмъ-какъ г. Данилевскій оставался въ Хивѣ, г. Базинеръ воспользовался случаемъ отвести подарки *инаху* Рахимъ-Кулу, старшему сыну и наслѣднику хана, имѣющему резиденцію въ Гезаръ-Эспѣ. Городъ *Гезаръ-Эспъ* (персидское названіе котораго значитъ «тысяча лошадей») лежитъ въ 57 или 60 верстахъ къ востоку отъ Хивы. На дорогѣ лежалъ ханскій домъ *Янарыкъ* и мѣстечко *Ишанъ*; бо́льшая часть земель обработана. Городъ Гезаръ-Эспъ нѣсколько болѣе Ташгауза; имѣетъ обнесенный валомъ внутренній кремль, кирпичный домъ самого инаха, десять мечетей и медресе (школъ) и 150 лавокъ. Передъ кремлемъ проведена канава, которая соединяется съ каналомъ *Каса*, вѣтвію канала *Палванъ*. Ничего примѣчательнаго нѣтъ въ городѣ. Инахъ съ радостію принялъ подарки, удивляясь хитрому устройству карманныхъ часовъ и чудеснымъ свойствамъ зажигательныхъ спичекъ, и отпустилъ посланцевъ обратно.

Между-тѣмъ въ Хивѣ, въ ночи съ 22 на 23 ноября, отправился въ лучшій миръ высокостепенный ханъ Аллахъ-Кулъ. Въ слѣдующую же ночь вступилъ на ханство его наслѣдникъ. Замѣчательно, что въ Хивѣ, несмотря на наслѣдственное право ханствующаго рода, сохранилось въ тоже время и право народнаго избранія. Старѣйшины и знатнѣйшіе люди страны собрались вечеромъ въ ханскихъ хоромахъ и избрали между членами ханскаго рода новаго хана. Избранника раздѣваютъ до-нага. моютъ, одѣваютъ въ новое платье съ головы до ногъ, ведутъ въ ханскую палатку, и посадивъ тамъ на войлокъ, приподнимаютъ на воздухъ съ троекратными восклицаніями: «Ханъ, Ханъ, Ханъ!» Въ этомъ состоитъ вся церемонія коронованія. Владѣтели Хивы вступаютъ на «ханскій *войлокъ*». Инахъ Рахимъ-Кулъ, наслѣдникъ и избранникъ, не имѣлъ со-

перниковъ, и потому восшествіе его «на войлокъ» произошло мирно и безъ кровопролитія. Ноября 25 тѣло покойнаго хана отнесено было въ мечеть Палванъ-Ата и погребено тамъ подлѣ отца его Мухаммедъ-Рахима. Ноября 29 г. Данилевскій имѣлъ аудіенцію у новаго хана, а 31 декабря посольство выѣхало изъ Хивы въ обратный путь на родину.

Обратный путь лежалъ восточнѣе, черезъ городки *Кятъ*, *Китай*, *Мангитъ* и *Кипчакъ*. Верстъ 15 на сѣверо-западъ отъ послѣдняго, впервые остановился караванъ на берегу Аму-Дарьи. Эта полоса Хивы не такъ обработана, и населена преимущественно Каракалпаками и Киргизами, которые не отстали еще отъ кочевой жизни. Верстахъ въ 40 отъ Мангита виднѣется гора, имѣющая отъ 300 до 400 футовъ высоты: ее называютъ *Куба-Тау*; а на восточной сторонѣ Аму возвышается хребетъ *Шейхъ-Джейли*, въ которомъ, говорятъ, достаютъ мѣдь, мраморъ, желѣзо и даже золото. Г. Базинеръ, какъ натуралистъ, не могъ не интересоваться изслѣдованіемъ этихъ горъ; но подозрительность Хивинцевъ не позволяла ему перебраться на другую сторону рѣки. Наконецъ, верстахъ въ пяти къ сѣверу отъ Кипчака, нашъ естествоиспытатель нашелъ случай отдѣлиться отъ каравана съ однимъ казакомъ, киргизомъ и топографомъ; перейдя по льду Аму-Дарью, имѣющую здѣсь до 2,700 футовъ широты, они дошли до весьма отвѣснаго возвышенія отъ 250 до 300 футовъ высотою, называемаго *Чилпыкъ*. Оно состоитъ изъ глины и песчаника; на вершинѣ его были развалины старинной стѣны. Къ сѣверу, югу и востоку тянулись разбросанныя песчаныя поляны вплоть до хребта Шейхъ-Джейли, который супротивъ Мангита возвышается до 500 футовъ; самую подошву его омываетъ бухта или озеро *Ходжа-Куль*, образуемое разливомъ Аму-Дарьи. На подошвѣ горы г. Базинеръ нашелъ значительное количество глинисто-желѣзнаго и желѣзистаго песчаника, а на вершинѣ — большіе и малые куски зеленаго песчаника съ примѣсью бѣлаго кварца. Ни время, ни обстоятельства не позволяли произвести дальнѣйшихъ наблюденій.

Караванъ продолжалъ итти по лѣвому берегу Аму-Дарьи до города *Кунграта*. Путь пересѣкается нѣсколькими рукавами рѣки и каналами. Значительнѣйшій изъ рукавовъ есть *Лауданъ*, или *Лаузанъ*, имѣющій при истокѣ отъ 350 до 420 футовъ ширины и текущій довольно прямо отъ востока на западъ, между-тѣмъ-какъ Аму-Дарья поворачиваетъ тутъ, почти подъ прямымъ угломъ, на сѣверъ. Въ Лауданъ впадаетъ съ юга *Кувпъзякъ*, образуемый тремя протоками Аму. Отдѣляющіеся отъ сѣвернаго теченія Аму-Дарьи, выше города *Ходжейли*, западные рукава называются *Чуманай*, *Кятъ-Джирганъ* и *Кокъ-Дарья*; съ восточной стороны вытекаютъ *Кокъ-Узякъ* и *Карабайли*. Ширина Аму-Дарьи между городами Кипчакомъ и Кунгратомъ измѣняется отъ 2,700 до 740 футовъ, къ сѣверу-же отъ послѣдняго города имѣетъ не болѣе 400 футовъ. Глубина

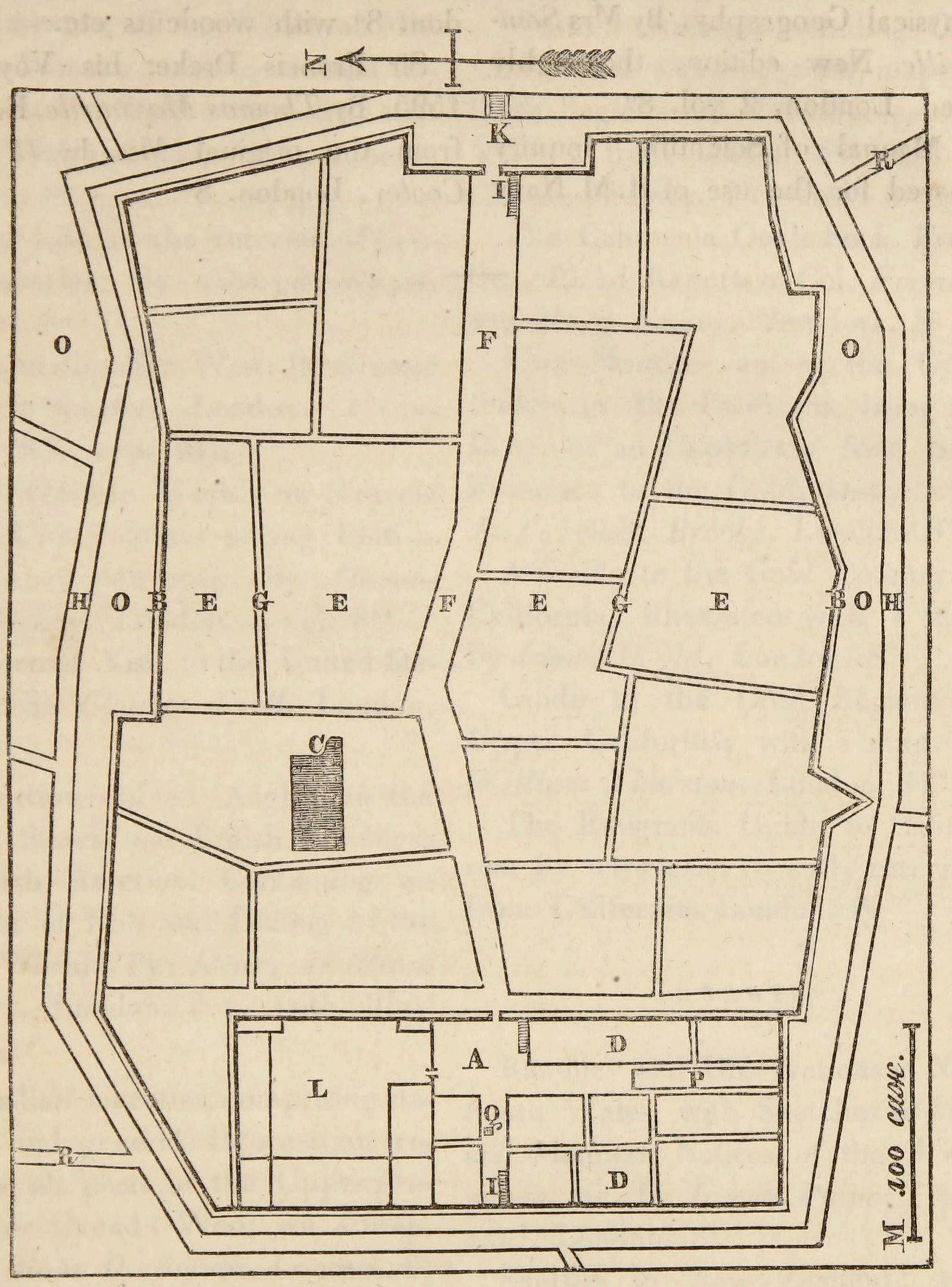
также различная: отъ 60, 80, 100 и до 168 англійскихъ дюймовъ; ледъ былъ толщиною отъ 13 до 16 дюймовъ. Мѣстами, отъ сильнаго теченія и большой глубины, вода не замерзала. Отлогіе глинистые берега рѣки возвышаются здѣсь не болѣе какъ отъ трехъ до пяти, рѣдко до семи футовъ. Глинистая почва между Ходжейли и Кунгратомъ покрывается водою при разливѣ Аму. На западъ отъ этой рѣки, почти вплоть до восточной окраины Усть-Урта, все пространство покрыто густымъ и высокимъ тростникомъ, который можно назвать даже тростниковымъ лѣсомъ. Здѣсь притонъ тигровъ, называемыхъ *юлбарсъ*, или *джулбарсъ* (вѣроятно Felis jubata); тутъ также, какъ и въ прилежащихъ кустарникахъ, водится множество фазановъ. Вся полоса между Кипчакомъ и Кунгратомъ занята преимущественно кочевыми Киргизами и Каракалпаками, которыхъ главные промыслы земледѣліе и рыболовство: рыбою весьма обильна Аму-Дарья.

Кунгратъ — одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ ханства; прежде онъ былъ даже удѣломъ особаго князя (*тюря*), которому принадлежали также города Ходжейли, Кипчакъ и Мангитъ. Хивинскіе ханы долго и безъ успѣха старались овладѣть Кунгратскимъ Удѣломъ; наконецъ Мухаммедъ-Рахимъ осадилъ городъ и предательски умертвили послѣдняго тюрю, по имени Суфа. Съ тѣхъ только поръ хивинскіе ханы не имѣютъ соперниковъ.

Изъ Кунграта наши путешественники направили путь свой къ сѣверо-западу, черезъ Лауданъ, на вышепомянутый мысъ Ургу. Аральское-Озеро покрыто было льдомъ на необозримое пространство. 17 января 1843 года поднялись на Усть-Уртъ, продолжая путь къ сѣверу, и 12 февраля прибыли въ Илецкую-Защиту, черезъ 44 дня по выступленіи изъ Хивы. Зима, къ-счастію, была довольно теплая (отъ двухъ до шести градусовъ мороза) и весь караванъ возвратился на родину благополучно. (*Окончаніе — въ слѣдующемъ выпускѣ*).

— БѢДСТВІЯ, ПРЕТЕРПѢННЫЯ РАЗВѢДОЧНОЮ ЭКСПЕДИЦІЕЮ ПОЛКОВНИКА ФРИМОНТА, ПРИ ПЕРЕХОДѢ ЧЕРЕЗЪ КАМЕННЫЯ-ГОРЫ. — Полковникъ Фримонтъ (Fremont), неутомимый изслѣдователь странъ, лежащихъ между Миссисипи и Тихимъ-Океаномъ, рѣшился наконецъ покинуть бродячую жизнь и остатокъ дней провести въ Калифорніи, посвятивъ трудамъ земледѣльческимъ; но вѣрный до конца прежнему призванію, и этого переселенія не могъ онъ совершить обыкновенною дорогой, которою отправлялось изъ Вашингтона семейство его, а рѣшился, при этомъ случаѣ, осмотрѣть еще разъ пространство соединяющее старыя и новыя земли Штатовъ, и перебраться въ Калифорнію черезъ хребетъ Каменныхъ-Горъ. Октября 21 прошлаго 1848 года оставилъ онъ берега *Миссури*, достигъ благополучно до *Верхняго-Пуэбло*

Планъ города Хивы,
снятый въ 1740 году, инженеромъ Назимовымъ.



A. Въ Хивинской крѣпости замокъ.

B. Стѣна городовая, сдѣлана изъ глины; вышиною не менѣе пяти саженъ, а шириною въ двѣ сажени; зубцы — въ два аршина ширины.

C. Профиль стѣны городовой.

D. Въ замкѣ строеніе.

E. Строеніе обывательское въ городѣ мазанковое.

F. Улица большая.

G. Переулки узкіе.

H. Каналъ около города, который пропущенъ изъ Аму-Дарьи рѣки, и съ маленькими канальцы.

I. Лѣстницы на городовыя стѣны.

K. Мостъ черезъ каналъ.

L. Домъ ханскій въ замкѣ.

M. Масштабъ крѣпости.

N. (Сѣверъ).

O. Сады около города.

P. Заводы, гдѣ хлѣбъ мелютъ.

Q. Колодезь въ замкѣ.

R. Канальцы маленькіе, пропущенные изъ Аму-Дарьи рѣки въ большой каналъ.

Выпускъ 5.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

ЗАСѢДАНІЯ СОВѢТА.

Съ наступленіемъ осенняго времени и возобновленіемъ дѣятельности Общества, Совѣтъ онаго имѣлъ въ-теченіе сентября мѣсяца два засѣданія: 2 и 27 числа. Журналы этихъ засѣданій заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующее:

— Получены со времени послѣдняго засѣданія 19 мая нижепоименованныя статьи и сообщенія:

1. *О сухомъ туманѣ, бывшемъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1849 года въ южныхъ губерніяхъ Средней Полосы Россіи* — отъ Профессора В. И. Лапшина (Ч. С. О.).

2. *О дѣйствіи солнца на почву въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодской Губерніи* — отъ Генералъ-Лейтенанта Паренсова.

3. *Климатологическія наблюденія съ 1824 по 1849 годъ, произведенныя Екатеринославской Губерніи въ Павлоградскомъ Уѣздѣ* — отъ помѣщика того уѣзда И. Н. Леонова.

4. *Метеорологическія наблюденія, дѣланныя въ городѣ Кириловѣ съ 1845 по 1849 годъ* — отъ тамошняго мѣщанина А. Звозкова.

5. *Обозрѣніе Катунскаго-Хребта*, и 6) *Каталогъ жесткокрылымъ насѣкомымъ Колывано-Воскресенскаго Горнаго Округа.* Объ — отъ Д-ра Геблера (Ч. С. О.).

7. *Физическое описаніе Бирюченскаго Уѣзда Воронежской Губерніи* — отъ помѣщика того уѣзда А. Я. Терентьева.

8. *Краткое описаніе Ярославской Губерніи, составленное въ 1809 году* Архіепископомъ Ярославскимъ *Антоніемъ* — отъ Мышкинскаго Уѣзднаго Врача Кострова.

ЭКСПЕДИЦІИ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

— ПУТЕШЕСТВІЕ Г. БАЗИНЕРА ЧЕРЕЗЪ КИРГИЗСКУЮ-СТЕПЬ ВЪ ХИВУ (*окончаніе статьи, помѣщенной въ предшествовавшемъ выпускѣ, стр.* 157—171). — Г. Базинеръ раздѣлилъ описаніе своего путешествія на двѣ части: первая заключаетъ въ себѣ общій очеркъ путешествія, вторая — частныя наблюденія и изслѣдованія. Мы возвращаемся ко второй части, чтобы представить общую картину Хивинскаго Ханства, результатъ географическихъ и этнографическихъ наблюденій нашего путешественника. Несмотря на скудныя вообще подробности, сообщаемыя имъ по этимъ частямъ, въ описаніи его встрѣчается однакожъ нѣсколько новыхъ извѣстій для географіи и этнографіи края. По кратковременному пребыванію автора въ Ханствѣ, нельзя и ожидать отъ него важныхъ открытій; но поэтому именно и не слѣдовало ему слишкомъ неуважительно отзываться о трудахъ своихъ предшественниковъ, въ-особенности объ извѣстіяхъ русскихъ плѣнныхъ, тѣмъ-болѣе что и самъ онъ пользовался послѣдними. По нашему мнѣнію, сборникъ, составленный изъ показаній нашихъ плѣнныхъ, частію уже напечатанныхъ, частію-же хранящихся еще въ рукописи въ Пограничной Оренбургской Коммисіи — былъ-бы драгоцѣннымъ матеріаломъ для топографіи и этнографіи Хивинскаго Ханства, который богатствомъ любопытныхъ данныхъ, ускользающихъ отъ мимолетнаго взгляда туриста, далеко оставилъ-бы за собою всѣ извѣстныя доселѣ «Путешествія въ Хиву», не исключая и послѣдняго.

Обратимся къ Хивинскому Оазису; мы говоримъ «оазису», а не «ханству», потому-что своимъ ханствомъ считаетъ владыка Хивы и всѣ прилежащія песчаныя степи, гдѣ чиновники его берутъ съ кочевыхъ поколѣній подати и взятки, когда поколѣнія эти нуждаются въ Хивинцахъ, а это не всегда бываетъ: такимъ-образомъ, предѣлы владѣній Хивинскаго Хана нельзя считать за границы его ханства. Неотъемлемая собственность его есть Хивинскій Оазисъ, или та полоса обработанной земли, которая лежитъ преимущественно вдоль западнаго берега Аму-Дарьи, гранича: къ западу — съ южными склонами Усть-Урта, къ сѣверу — съ южною частію Аральскаго-Моря, къ востоку — съ песками Кизылъ-Кумъ и горами Шейхъ-Джейли, къ югу и юго-востоку — съ Большою Туркменскою песчаною Степью. Все пространство Оазиса г. Базинеръ полагаетъ, разумѣется приблизительно — въ 671, а пространство пахатной земли — въ 190 кв. географ. миль.

Рукавами Аму-Дарьи раздѣляется Хивинскій Оазисъ на двѣ части: сѣверная, образуемая рукавами *Лаудана* и *Кукъ-Узяка* и *Аральскимъ*-Моремъ, составляетъ островъ, жители котораго называютъ себя *Аралами* (*Аралинцами*, у нашихъ писателей), то-есть «Островитянами», присовокупляетъ г. Базинеръ: «отъ этого-то острова, скорѣе-чѣмъ отъ

другихъ, и могло прозваться Аральское-Море!» Это, конечно, небольшая ошибка, простительная не-оріенталисту: слово *аралъ* ни въ одномъ изъ извѣстныхъ тюркскихъ нарѣчій не значитъ «островъ», а въ киргизскомъ нарѣчіи употребляется въ смыслѣ «берега»; поэтому *Аралъ-Дингизи* значитъ «Береговое-Море», почти тоже, что̀ «Средиземное», а *Аралу*, или Аральцы — тоже что̀ «Поморцы», «Прибрежные Жители». Г. Сенковскій, въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ (томъ II, статья: Аралъ) производилъ, правда, эти слова отъ оттоманскаго *ара̀*, *аралы̀*, «срединный»; но прибрежные жители произносятъ имя озера *Аралъ*, а не *Аралы̀*. Какъ-бы то ни было, отъ г. Базинера узнаемъ мы, по-крайней-мѣрѣ, опредѣлительно, кого слѣдуетъ понимать подъ названіемъ «Аральцевъ», или «Аралинцевъ», столь часто упоминаемыхъ нашими прежними писателями. Населенная ими сѣверная часть Хивинскаго Ханства отличается обиліемъ водъ и низменностью уровня земли: это, весьма вѣроятно, тѣ «Массагетскія Топи», о которыхъ упоминаютъ Геродотъ и Страбонъ.

Замѣчательно, что между-тѣмъ какъ сѣверная или междурѣчная половина страны болѣе-и-болѣе осушается отъ болотъ, южная часть Хивы, омываемая одною лишь Аму-Дарьею, которая не принимаетъ въ себя здѣсь ни одного притока, постепенно заносится съ запада песками Тюркменской Пустыни, засыпающими цѣлыя селенія и полосы обработанныхъ земель.

Почва обѣихъ частей Хивинскаго Оазиса состоитъ изъ мелкаго, пепельнаго цвѣта глины съ бо̀льшею-или-меньшею примѣсью песчаника и глауберовой соли; послѣдняя видна въ-особенности въ тѣхъ мѣстахъ, которыя наводняются рѣкою: когда сбываетъ вода, земля кажется покрытою инеемъ. Весь Оазисъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ возвышенностей, совершенно ровенъ. Г. Базинеръ указываетъ на три такихъ возвышенности: 1) *Куба-Тау*, верстахъ въ десяти отъ города Мангита, вышиною отъ 300 до 400 футовъ; 2) *Маслымъ-Суфи*, въ осьми верстахъ отъ города Ходжейли, и 3) *Тюбя-Тау*, въ осьми верстахъ къ сѣверу отъ Кунграта, между рукавами Талдыкъ и Улу-Дарья. Внѣ Оазиса, находятся: на западѣ — *Усть-Уртъ*, а на востокѣ, за Аму-Дарьею — горная цѣпь *Шейхъ-Джейли*, идущая отъ СЗ. къ ЮВ., вдоль береговъ Аму, около тринадцати миль. Въ сѣверной части, цѣпь эта состоитъ лишь изъ небольшихъ песчаныхъ и глинистыхъ холмовъ, называемыхъ *Чилпыкъ*. Супротивъ Мангита, она возвышается вдругъ до 500 футовъ и принимаетъ отселѣ другой характеръ: холмы исчезаютъ, является сплошной горный хребетъ, состоящій изъ кристалловидныхъ камней. Наибольшая высота его — при городѣ Китаѣ. Близъ Мангита, путешественникъ нашъ находилъ у подошвы горы желѣзистый песчаникъ, а на высотахъ — роговоблендовый сланецъ съ прожилками бѣлаго кварца; далѣе къ югу, находится также и мраморъ, въ-

особенности противъ города Гурляни, гдѣ устроены мраморныя ломки. Говорятъ, что тутъ находятъ и мѣдь; Хивинцы увѣряютъ, что и золото. Впрочемъ, золотоносный песокъ дѣйствительно можетъ встрѣчаться въ Шейхъ-Джейли, по сходству его съ Ураломъ. Г. П. Гельмерсенъ, приложивший къ «Путешествію» г. Базинера, любопытныя геогностическія изслѣдованія, замѣчаетъ, что по сходству геогностическихъ свойствъ, направленія и географическаго положенія Шейхъ-Джейли съ Ураломъ, можно принять эту горную цѣпь за самый южный отрогъ горной системы Урала.

Въ Хивѣ всего одна рѣка съ многочисленными протоками: это *Аму-Дарья*, которую можно назвать «Хивинскимъ-Ниломъ». Она втекаетъ въ Хивинскій Оазисъ при городѣ Питнякѣ и омываетъ его во всю длину. Течетъ она сперва въ сѣверо-западномъ направленіи; у города Кипчака, круглою дугою, поворачиваетъ къ западу; пройдя такимъ-образомъ около трехъ миль, сворачиваетъ на сѣверъ, образуя тутъ почти прямой уголъ, а потомъ, при Ходжейли, принимаетъ прежнее сѣверо-западное направленіе; у Кунграта снова поворачиваетъ къ сѣверу, и выше этого города раздѣляется на двѣ рѣки: *Талдыкъ-Дарью* и *Улу-Дарью*; первая течетъ прямо на сѣверъ и меньше второй, которая течетъ къ сѣверо-востоку. Улу-Дарья раздѣляется далѣе на два рукава: западный сохраняетъ названіе *Улу*, а восточный называется *Казакъ-Дарья*. Всѣ эти рѣки впадаютъ въ Аральское-Море многими устьями, поросшими тростникомъ. Ширина Аму-Дарьи, въ-продолженіе теченія ея по Хивѣ, измѣняется отъ 1,500 до 2,000 футовъ. За Лауданомъ она съуживается до 740, а нѣсколько верстъ сѣвернѣе — даже до 400 футовъ. Нѣкоторые острова, образуемые Аму-Дарьею, имѣютъ по нѣскольку верстъ длины. Берега рѣки вообще низменны: между Питнякомъ и Кипчакомъ возвышаются они отъ 12 до 15 футовъ надъ низшимъ водостояньемъ, а къ сѣверу отъ Кунграта—не болѣе какъ отъ 3 до 5 футовъ надъ уровнемъ льда. Г. Базинеръ могъ наблюдать Аму-Дарью только зимою, и потому свѣдѣнія сообщаемыя имъ объ этой рѣкѣ, довольно скудны и мало-что прибавляютъ къ разсказамъ нашихъ плѣнныхъ. Протоковъ Аму-Дарьи онъ называетъ шесть: 1) *Лауданъ*, или *Лаузанъ*, значительнѣйшій изъ ея рукавовъ, вытекаетъ изъ Аму, въ трехъ миляхъ къ югу отъ города Ходжейли, четырьмя рукавами: сѣверный, и самый большой, имѣетъ отъ 350 до 420 футовъ въ ширину; три южные, имѣющіе лишь отъ 30 до 80 футовъ ширины, вскорѣ сливаются въ одну рѣку, называемую *Кувазякъ* и впадающую въ Лауданъ. Около пяти миль къ сѣверо-западу отъ Куня-Ургенджа, Лауданъ втекаетъ въ низменность, идущую широкою полосою у подошвы Усть-Урта, и покрываетъ ее отъ Айбугира до самаго Арала. Эту наводненную низменность назвалъ г. Базинеръ «Лауданскимъ-Озеромъ». Около трехъ миль къ СВ. отъ Куня-Ургенджа вытекаетъ изъ Лаудана рѣка *Саркраукъ*, теряющаяся въ двухъ дняхъ пути на 103. отъ города. 2) *Чуманай*,

второй рукавъ Аму-Дарьи, вытекаетъ изъ нея въ $4\frac{1}{2}$ миляхъ къ сѣверу отъ города Ходжейли, и теряется вѣроятно въ Низменности Лауданской. 3) *Кятъ-Джарганъ* вытекаетъ въ $2\frac{1}{2}$ миляхъ сѣвернѣе Чуманая, и 4) *Кокъ-Дарья* — одной милей еще сѣвернѣе; оба теряются также въ Лауданскомъ-Озерѣ. Всѣ эти четыре рукава вытекаютъ съ западной стороны Аму-Дарьи. Съ восточной вытекаютъ еще два рукава: 5) *Кокъ-Узянъ* — супротивъ города Ходжейли, и 6) *Кара-Байли* — въ пяти миляхъ сѣвернѣе; оба впадаютъ въ низменность, подобную Лауданской, которая идетъ въ прямой линіи на югъ отъ юго-восточнаго угла Арала и называется *Даукара*.

Еще Муравьевъ удивлялся искусству, съ какимъ жители Хивинскаго Оазиса умѣли провести сѣть большихъ и малыхъ каналовъ, нужныхъ для орошенія страны. У г. Базинера находимъ любопытныя дополненія къ его извѣстіямъ. По его исчисленію, въ южной половинѣ Оазиса, между Питнякомъ и Кипчакомъ, на протяженіи не болѣе 140 верстъ, находится не менѣе 14 главныхъ каналовъ и 44 проведенныхъ изъ нихъ, кромѣ второстепенныхъ, соединяющихъ послѣдніе между собою. Изъ главныхъ каналовъ, шесть имѣютъ отъ 80 до 125 верстъ длины, три — отъ 35 до 65, и четыре — отъ 20 до 25 верстъ. Изъ побочныхъ каналовъ, семнадцать — отъ 25 до 45 верстъ длиною, а осьмнадцать — отъ 10 до 19 верстъ. Изъ этихъ побочныхъ каналовъ проведены меньшіе каналы, а изъ нихъ — канавки, орошающія поля жителей. Нѣкоторые изъ главныхъ каналовъ имѣютъ отъ двухъ до трехъ саженъ глубины, другіе — только около сажени; ширина однихъ — отъ 10 до 14 саженъ, другихъ-же — всего отъ двухъ до одной сажени. Можно себѣ представить, какая огромная масса воды отнимается у Аму-Дарьи этою сѣтью каналовъ! Если представить себѣ одни главные каналы, среднимъ числомъ, въ одну сажень глубины при десяти ширины, то масса поглощаемыхъ ими водъ будетъ равняться массѣ водъ рѣки, имѣющей сажень глубины и десять ширины, и протекающей $680\frac{1}{2}$ верстъ въ длину. Воды побочныхъ каналовъ, такимъ же образомъ, могли-бы составить рѣку въ 141 версту длины. И эта огромная масса воды распредѣлена между Питнякомъ и Кипчакомъ, на площади имѣющей не болѣе 165 квадратныхъ миль! Слѣдовательно, здѣсь на каждую квадратную милю земли приходится воды столько, что она можетъ образовать рѣку глубиною въ одну сажень, шириною въ десять саженъ и длиною болѣе чѣмъ въ 11 верстъ!

Озера въ Хивѣ незначительныя и ни чѣмъ не примѣчательны, за исключеніемъ Лаудана и Даукара, если только ихъ можно назвать озерами.

Вопросы о прежнемъ соединеніи Арала съ Каспійскимъ-Моремъ и впаденія Аму-Дарьи въ послѣднее, оставлены г. Базинеромъ не только безъ рѣшенія, но и безъ вниманія. Онъ ограничился указаніемъ на мнѣнія другихъ ученыхъ и приведеніемъ показанія плѣннаго Шмелева изъ ста-

тьи М. И. Иванина (въ Журналѣ Мануф. и Торг. 1843, апрѣль, стр. 87). Показаніе Шмелева весьма важно и заслуживало-бы подтвержденія или опроверженія.

Хивинскіе города отличаются отъ деревень только тѣмъ, что управляются ханскимъ чиновникомъ, окружены бываютъ глиняною стѣною и имѣютъ по нѣскольку мечетей и базарныхъ дней. Г. Базинеръ насчитываетъ 25 такихъ городовъ (изъ нихъ только два въ сѣверной части Оазиса, а всѣ остальные—въ южной) и 60 деревень, или селеній. Главнѣйшіе города суть: *Хива*, *Ургенджъ*, *Кунградъ*, *Гезаръ-Эспъ* и *Куня-Ургенджъ*. Объ нихъ уже говорено было нами въ первой статьѣ. Приводимъ названія и описанія остальныхъ двадцати, въ алфавитномъ порядкѣ: 1) *Амбаръ*, 47 верстъ на СЗ. отъ Хивы; жители Сарты и Персіяне; въ окрестностяхъ кочуютъ Ямшиды и Тюркмены. 2) *Багатъ*, 30 верстъ къ востоку отъ Хивы; жители большею-частію Узбеки. 3) *Булдумзасъ* (?) 85 верстъ къ СЗ. отъ Хивы, при каналѣ Клычъ-Бай. 4) *Гурлянъ*, 50 верстъ къ сѣверу отъ Хивы, съ 3 мечетями и 60 лавками; не окруженъ стѣною; жители Узбеки и Сарты; вблизи кочуютъ Киргизы. 5) *Джагатай*, болѣе 35 верстъ на СЗ. отъ Хивы, съ 12 лавками и столькими же мазанками; жители Сарты и Персіяне. 6) *Илаллы*, около 85 верстъ на СЗ. отъ Хивы, при каналѣ Шаватъ; жители Сарты и Узбеки; вблизи кочуютъ Тюркмены и Ямшиды. 7) *Ишанъ*, около 40 верстъ къ востоку отъ Хивы, имѣетъ около 70 лавокъ и столькоже домовъ. 8) *Казават*, около 23 верстъ къ СЗ. отъ Хивы, при каналѣ того же имени, имѣетъ одну мечеть и 25 лавокъ. 9) *Кипчакъ*, 95 верстъ на СЗ. отъ Хивы; 5 мечетей и 70 лавокъ; жители Узбеки; въ окрестности кочуютъ Каракалпаки и Киргизы. 10) *Китай*, въ 65 верстахъ на СЗ. отъ Хивы, съ ханскимъ теремомъ и 25 лавками. 11) *Клычъ-Ніязъ-Бай*, или *Клычъ-Бай*, 70 верстъ на СЗ. отъ Хивы, съ 3 мечетями и сотнею лавокъ; жителей болѣе Сартовъ, чѣмъ Узбековъ. 12) *Кошъ-Купыръ*, 18 верстъ къ СЗ. отъ Хивы, 15 лавокъ и около 40 домовъ. 13) *Кятъ*, 30 верстъ къ сѣверу отъ Хивы, около 40 лавокъ; дома почти всѣ развалились. 14) *Мангитъ*, около 80 верстъ къ СЗ. отъ Хивы, съ 9 мечетями, 1 медресэ и 40 лавками. 15) *Питнякъ*, 76 верстъ къ ЮВ. отъ Хивы. 16) *Порсу*, въ 114 верстахъ къ СЗ. отъ Хивы; здѣсь умерщвленъ былъ Бековичь. 17) *Ташгоузъ*, около 60 верстъ къ СЗ. отъ Хивы, съ палатами хана и 180 лавками. 18) *Ханка*, 27 верстъ къ СВ. отъ Хивы. 19) *Ходжейли*, около 130 верстъ къ СЗ. отъ Хивы со 150 лавками. 20) *Шаватъ*, или *Шахъ-Абадъ*, въ 33 верстахъ къ СЗ. отъ Хивы съ ханскимъ домомъ, одною мечетью и сотнею лавокъ. Сверхъ-того, внѣ Оазиса находится шесть городовъ, принадлежащихъ Хивинскому Хану: 1. *Джанъ-Каля* (т. е. *Джаны-Кала* или *Яны-Кале*, «Новая-Крѣпость»), въ 500 верстахъ къ СВ. отъ Хивы, на лѣ-

вомъ берегу Сыръ-Дарьи. 2) *Биш-Каля*, около 480 верстъ на СВ. отъ Хивы и въ 30 верстахъ къ югу отъ Сыръ-Дарьи. 3) *Мервъ*, около 480 верстъ къ югу отъ Хивы. 4) *Юла-Тау*, день пути отъ Мерва. 5) *Пенджа*, также около Мерва, и 6) *Сарахсъ*, въ 120 верстахъ къ ЮЗ. отъ Мерва и въ 135 верстахъ отъ персидскаго города Мешгеда.

Это исчисленіе городовъ хивинскихъ, какъ видите, не отличается ни полнотою, ни богатствомъ содержанія. Относительно полноты, можно замѣтить, что плѣнный Ковырзинъ показалъ 75 городовъ и селеній въ Хивѣ, слѣдовательно болѣе чѣмъ вдвое, нежели г. Базинеръ, и притомъ большая часть неупомянутыхъ г. Базинеромъ городовъ — поважнѣе его Джагатая «съ двѣнадцатью лавками и столькими же домами»! Относительно описанія городовъ, свѣдѣнія г. Базинера основываются, вѣроятно, на показаніяхъ нашихъ плѣнныхъ (потому-что г. Базинеръ всѣхъ этихъ городовъ самъ не видѣлъ), и не только не отличаются большею подробностію отъ прежнихъ показаній, а еще уступаютъ имъ. Изъ разсказовъ нашихъ плѣнныхъ, кромѣ полной номенклатуры городовъ, селеній и урочищъ, узнаемъ жизнь и бытъ хивинскаго человѣка, а въ «Путешествіи» г. Базинера ничего этого не видимъ. Приводимъ, для примѣра, одно мѣсто изъ показанія плѣнника Ѳедора Грушина:

«Улицы во всѣхъ городахъ цѣлаго ханства узки, нечисты, завалены костями, дохлыми кошками и собаками, даже и крупною скотиной; да, сверхъ-того, жители обоего пола всегда и все исправляютъ на улицахъ, гдѣ ни попало. Скотину и лошадей кормятъ плохо, по бѣдности въ кормахъ; даже и ханскіе аргамаки стоятъ по суткамъ безъ корму. И чего аргамаки, коли и женамъ своимъ Ханъ отпускаетъ хлѣбъ на вѣсъ: на весь домъ ханскій (тутъ на женъ и на самого его) выходитъ въ день три пуда пшеничной муки, два пуда сарацинскаго пшена, одинъ пудъ мяса, да полтора кунжутнаго масла. Многія изъ ханскихъ женъ посылаютъ остатки отъ плова своего на базаръ и покупаютъ на вырученную копѣйку шелкъ и другія мелочи. У каждой жены свой покойчикъ. На малой ханской кухнѣ стряпаетъ плѣнная персіянка, и едва только сама бываетъ сыта поскребышами; а наша землячка Анна Васильевна Костина служитъ у него за стряпуху, на большой кухнѣ, то-есть у большаго котла. Два раза въ день приходятъ къ ней посланцы и служанки со всего двора отъ женъ и дѣтей ханскихъ съ глиняными чашками — и каждому и каждой, по мѣсту и званію, положена и чашка: кому маленькая, кому побольше, — и Анна Васильевна отбивается уполовникомъ, огрызается на всѣ стороны, шумъ поднимаетъ въ кухнѣ на весь базаръ; и отпустивъ имъ, каждому что̀ слѣдуетъ, кой-какъ и сама сыта бываетъ, и, глядишь, узелочикъ домой тащитъ. Хану идетъ самая большая доля, большое блюдо горой, такъ-что онъ никогда его не поѣдаетъ, а остатки ѣдятъ кушбегѝ, мяхтяръ, всѣ первые министры и

сановники Двора, которые и ждутъ каждый обѣдъ, чтобъ вынесли имъ остатки. При этомъ дѣлежѣ, и мнѣ, какъ близкому человѣку, слѣдовала доля; да какъ-то совѣстно было кидаться по-собачьи на поскребыши посуды ханской; зато ужъ не разъ и не два разнималъ я господъ сановитыхъ какъ, бывало, подерутся за чашку плову, что собаки за кость; разнималъ я ихъ по-своему; чай, помнитъ меня не одинъ и теперь...

«Во дворѣ ханскомъ есть большой лѣтній пріемный покой; онъ выбѣленъ и разукрашенъ сусальною позолотою, и освѣщается по ночамъ одною сальною свѣчою. Во всѣхъ другихъ покояхъ и въ зимнемъ пріемномъ, т. е. въ кошемной кибиткѣ ханской, горитъ масло, которое выбиваютъ изъ сѣмянъ хлопчатой бумаги...

«Чай пьетъ въ цѣломъ дворцѣ одинъ только Ханъ, да и то калмыцкій, кирпичный, и изрѣдка только другой, раза два въ недѣлю пьетъ онъ чай съ сахаромъ. Онъ пьетъ изъ китайской чашки и подаетъ иногда остатки нàбольшимъ своимъ, которые пьютъ, прихлебывая каждый по-немногу, и подаетъ чашку въ круговую; однако при этомъ дѣлежѣ драки не случалось. Ханскимъ женамъ и дѣтямъ чаю не даютъ никогда. Женъ было у Хана съ десять. Въ Хивѣ, кого на чемъ поймаютъ, либо кто на кого докажетъ, такъ за всякое беззаконіе чуть только не казнятъ; а самъ Ханъ не приведи Богъ что̀ дѣлаетъ; нѣтъ ни стыда, ни совѣсти; про вѣру и говорить нечего, что не разбираетъ онъ, жена-ли, не жена-ли; ну ужъ зналъ-бы женскій полъ, зналъ-бы хоть ужъ по-крайности человѣка»..и такъ далѣе.

Считая приблизительно отъ 1,500 до 2,000 жителей на каждую квадратную милю, г. Базинеръ полагаетъ все народонаселеніе Хивинскаго Оазиса отъ 285,000 до 350,000 душъ, въ томъ числѣ: Сартовъ, или Таджиковъ — отъ 20 до 26,000 семействъ, Узбековъ — отъ 18 до 23,000, Персіянъ вольныхъ — отъ 5 до 7,000, Персіянъ невольниковъ — отъ 10 до 13,000, Каракалпаковъ — отъ 8 до 10,000, Ямшидовъ — до 7,000, Туркменовъ — отъ 5 до 7,000, Киргизовъ — отъ 500 до 600: всего — отъ 73,500 до 93,000 семействъ. Считая семейство, круглымъ числомъ, въ четыре души, получите отъ 291,000 до 374,000 душъ. Всѣ эти вычисленія, разумѣется, приблизительныя и гадательныя, потому-что не только г. Базинеръ, но и самъ Ханъ Хивинскій не знаетъ сколько у него подданныхъ.

— РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВѢДОЧНЫХЪ ЭКСПЕДИЦІЙ, ОТПРАВЛЕННЫХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ-ШТАТОВЪ ВЪ НОВУЮ-МЕКСИКУ И КАЛИФОРНІЮ. — Война Сѣверо-Американскихъ-Штатовъ съ Мексиканскими, какъ и слѣдовало ожидать, не осталась безъ вліянія на расширеніе географическихъ свѣдѣній о земляхъ, служившихъ ей театромъ. Двѣ экспедиціи отправлены были правительствомъ первыхъ съ

жилъ съ-тѣмъ-вмѣстѣ принять на себя трудъ составленія для Общества особой карты, съ обозначеніемъ на ней постепеннаго приращенія Имперіи съ 1650 года до Адріанопольскаго-Мира, и Оборонительныхъ Линій, которыя въ-теченіе этого періода учреждаемы были противъ внѣшнихъ непріятелей. Опредѣлено: признать И. Ѳ. Штукенберга Членомъ-Сотрудникомъ Общества, и принявъ предложеніе его съ благодарностію, препроводить къ нему для изложенной цѣли экземпляръ изданной Военно-Топографическимъ Депо «Военной-дорожной карты Россійской Имперіи».

— Доведено до свѣдѣнія Совѣта членомъ онаго Д. А. Милютинымъ, что лѣсничій въ пермскомъ имѣніи Графа С. Г. Строгонова, г. Роговъ, занимаясь собираніемъ мѣстныхъ словъ по Пермскому и Соликамскому уѣздамъ, желалъ-бы имѣть для руководства своего, какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и при собираніи другихъ свѣдѣній, изданныя отъ Общества инструкціи, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ желалъ-бы знать, можетъ-ли имѣть для Общества какую-либо важность полный словарь Пермяцкаго Языка, постепенно болѣе-и-болѣе приходящаго въ забвеніе между народомъ имъ говорящимъ. Опредѣлено: препроводить къ г. Рогову по экземпляру изданныхъ отъ Общества инструкцій и просить его о доставленіи въ оное нѣкотораго количества словъ Пермяцкаго Языка съ изъясненіемъ ихъ на Русскомъ, въ томъ видѣ и въ той степени подробности, въ какихъ онъ полагалъ-бы обработать полный Пермяцкій Словарь.

ПУТЕШЕСТІЯ И ЭКСПЕДИЦІИ.

— ИЗВѢСТІЕ О ПРЕБЫВАНІИ ВЪ ХИВѢ Г. АИТОВА. — По поводу путешествія г. Базинера чрезъ Киргизскую-Степь въ Хиву, упомянуто было, въ числѣ его предшественниковъ, имя г. Аитова (см. выше, стр. 158). Такъ-какъ о пребываніи сего-послѣдняго въ Хивѣ, сколько намъ извѣстно, нигдѣ еще не сообщено было извѣстія, то мы сочли нелишнимъ сказать здѣсь о немъ нѣсколько словъ, тѣмъ-болѣе что «описанія» самаго путешествія едва-ли можно ожидать когда-либо отъ совершившаго: г. Аитовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ путешественниковъ, которыхъ имена сохраняются въ исторіи путешествій лишь по претерпѣннымъ ими лишеніямъ или опасностямъ, и которые вовсе не думали быть «учеными», а между-тѣмъ видѣли многое такое, что ускользало изъ виду другихъ, болѣе образованныхъ путешественниковъ. Путешествіе г. Аитова въ Хиву имѣетъ много сходнаго съ путешествіемъ г. Демезона въ Бухару: и то и другое «замѣчательны», хотя одинаково безплодны для науки; разница между обоими путешественниками та, что г. Аитовъ, природный мусульманинъ, подвергся опасности какъ офицеръ христіанской державы; а

г. Демезонъ, европеецъ, выдавалъ себя за татарскаго муллу, и былъ, разумѣется, узнанъ правовѣрными *.

Г. Аитовъ (по-мусульмански Мухаммедъ-Шерифъ, а по-православному Михаилъ Александровичъ) происходитъ отъ татарской фамиліи Оренбургской Губерніи, всегда отличавшейся преданностію и усердіемъ къ службѣ: дѣдъ его, гвардіи-поручикъ, отличился во время Пугачевскаго Бунта, доставивъ провіантъ въ осажденный Оренбургъ; отецъ также былъ въ военной службѣ. Михаилъ Александровичъ (нынѣ поручикъ) состоялъ переводчикомъ Татарскаго Языка при Оренбургской Пограничной Комиссіи, и былъ неоднократно посылаемъ въ Киргизскую-Степь. Въ декабрѣ 1839 года поручено было ему набрать верблюдовъ въ степи и доставить ихъ къ отряду Генералъ-Адъютанта Перовскаго, выступившему для наказанія Хивинцевъ. Аитовъ отправился изъ Гурьева-Городка 15 декабря, въ сопровожденіи осьмидесяти-пяти Киргизовъ, въ нѣсколько недѣль набралъ по ауламъ болѣе пятисотъ верблюдовъ, и отправился съ ними къ отряду. Между-тѣмъ слухи о войнѣ «Москова» съ Хивою тревожили Киргизовъ; Хивинцы старались привлечь на свою сторону шаткія въ преданности Россіи аулы, и Киргизы Бейулинскаго Рода, или нѣсколько изъ нихъ, рѣшились доказать свою преданность Хивинскому Хану, представивъ ему живьемъ русскаго офицера. Сговорившись между собою, они напали, 12 января 1840 года, на Аитова, нанесли ему жестокіе удары, едва не причинившіе смерть, и отвезли больнаго въ Хиву. Разумѣется, что всѣ вещи были разграблены, а верблюды поступили въ дѣлежъ между измѣнниками.

Г. Аитовъ привезенъ былъ въ Хиву въ началѣ марта 1840 года. Между-тѣмъ отрядъ Генерала Перовскаго приближался, и хивинскіе храбрецы, видѣвшіе передовые посты, распространили въ Хивѣ страхъ. Грозный Аллахъ-Кулъ-Ханъ, до начала компаніи обѣщавшій истребить «Урусовъ» однимъ ударомъ, трусилъ не на-шутку, и радъ былъ, когда услышалъ, что Киргизы везутъ къ нему плѣннаго офицера, котораго можно употребить для переговоровъ. Аитовъ въѣхалъ въ Хиву церемоніально, на ханскомъ аргамакѣ, и допущенъ былъ на аудіенцію къ Хану. Онъ явился передъ владыкой Хивы въ мундирномъ сертукѣ съ эполетами и привѣтствовалъ его высокостепенство. Аллахъ-Кулъ-Ханъ, узнавъ напередъ, что онъ мусульманинъ, грозно спросилъ его: почему онъ бреетъ бороду и отращиваетъ волосы на головѣ, вопреки обычаю правовѣрныхъ? — Аитовъ отвѣчалъ, что такъ велитъ его Падишахъ, да притомъ въ Алкоранѣ ничего не говорится о бритьѣ, и самъ Пророкъ — да будетъ надъ нимъ міръ и благословеніе Аллаха! — отращивалъ себѣ на головѣ волосы. — Этотъ доводъ достаточенъ былъ для такихъ ученыхъ мусульманъ,

* Единственное извѣстіе о путешествіи г. Демезона въ Бухару, въ 1831 году, помѣщено мною въ статьѣ: «Бухара», въ VII томѣ «Энциклопедическаго Лексикона», стр. 464.

каковы Хивинцы. Ханъ отпустилъ плѣннаго; но его держали подъ строгимъ надзоромъ; почти ежедневно отбирали отъ него свѣдѣнія, хотѣли утѣшить себя хоть однимъ его намѣкомъ, что есть возможность отклонить отъ «богоспасаемой» Хивы неминучую бѣду; но Литовъ остался непреклоненъ, и зная восточный характеръ, кончилъ тѣмъ, что настоялъ на-своемъ. Аллахъ-Кулъ наконецъ рѣшился лишить себя лучшихъ работниковъ въ Ханствѣ, и, какъ доказательство покорности свой великому Падишаху Московіи, освободилъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, находившихся въ Хивѣ. Дотолѣ заключенный, преслѣдуемый распросами и угрожаемый пытками, Литовъ вдругъ сдѣлался почетнѣйшимъ гостемъ Хана: его стали чествовать еще болѣе, нежели сколько сначала угнетали: по пятницамъ онъ принималъ у себя *селямъ*, или «поклоны», даже отъ *ишака*, «наслѣдника ханскаго», и *мегтера*, или перваго министра. Вся Хива поклонялась русскому корнету, лишь-бы только онъ спасъ ее отъ наказанія за старые разбои. Литовъ составилъ списокъ всѣмъ русскимъ плѣннымъ, которыхъ сказалось въ Хивѣ 474 человѣка, и получилъ дозволеніе выѣхать съ ними изъ Хивы, для умилостивленія своего *сердаря* «военочальника». Въ это время явился въ Хивѣ изъ Герата офицеръ Ость-Индійской Компаніи Шекспиръ, въ сопровожденіи одного Авганца. Ханъ не хотѣлъ принимать отъ него никакихъ предложеній, говоря, что никогда не имѣлъ и не имѣетъ дѣлъ съ «Кумпани». Обманутый въ надеждахъ, Англичанинъ долженъ былъ сопровождать торжествующаго Литова; съ нимъ поѣхалъ и хивинскій посланецъ рейсъ-муфти Ата-Ніязъ. Всѣ они прибыли въ Оренбургъ въ сентябрѣ 1840 года.

Г. Литовъ провожалъ и обратно этого хивинскаго посла, выѣхавшаго изъ Оренбурга въ маѣ 1841 года. Русскимъ посланцемъ отправленъ былъ съ рейсъ-муфтіемъ Генеральнаго Штаба капитанъ Никифоровъ. Онъ благополучно достигъ Хивы, съ почестями принятъ былъ Ханомъ, и отпущенъ съ новымъ посланцемъ Ваизъ-Баемъ; но внезапная смерть въ Симбирскѣ похитила капитана Никифорова. Новаго посланца сопровождали обратно въ Хиву г. Базинеръ, о путешествіи котораго мы уже говорили, и г. Данилевскій, который окончилъ переговоры съ Ханомъ, начатые Литовымъ. (Сообщено *П. С. Савельевымъ*, Д. Ч. О.).

— ПОѢЗДКА Д-РА ГУКЕРА ИЗЪ СИКИМА ВЪ ТИБЕТЪ. — Въ прошломъ году, если читатели наши не забыли, мы оставили д-ра Гукера въ Доржилингѣ, столицѣ владѣній Раджи Сикимскаго, съ страстнымъ желаніемъ пробраться оттуда за высшій снѣговой хребетъ Гималая на тибетскую сторону, для разрѣшенія вопросовъ, предложенныхъ ему Гумбольтомъ, относительно высоты Тибетскаго Плоскогорія, и предѣловъ тамъ снѣговой линіи (Г. И. 1848, стр. 182—188). Послѣ долгаго ожиданія и большихъ хлопотъ, это удалось ему наконецъ, какъ узнаемъ изъ письма зна-